

Галиев В.В.

**О ПОСТАНОВКЕ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО ДЕЛА В СИНЬШАЕ
И РОССИЙСКО-КИТАЙСКОМ ПРИГРАНИЧЬЕ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
(конец XIX - начало XX вв.)**

V. V. Galiev

**ABOUT THE PRODUCTION OF THE TRANSLATION BUSINESS
IN XINJIANG AND THE RUSSIAN-CHINESE BORDER IN CENTRAL ASIA
(end of XIX - beginning of XX centuries)**

УДК:547.1.327

Традиционно восточное направление внешней политики царской России было одним из приоритетных в деятельности МИДа. Особое внимание в этой связи уделялось Китаю. Он являлся не только соседом, но и сосредоточением внешнеполитической активности Великобритании, Франции, Германии, Японии и США. На его территории располагалось большое количество посольств, консульских учреждений и представительств. Наряду с Маньчжурией и Приморским Китаем российская дипломатия значительное внимание уделяла продвижению политических, экономических и иных интересов так же в Западном Китае - Синьцзяне. На территории этой провинции Китая располагались пять российских консульств - в Кашгаре, Кульдже, Чугучаке, Урумчи и Шарасумэ.

В деятельности российских консульств в Синьцзяне важную роль играли не только их штатные сотрудники. Не менее значительное место занимала так же деятельность нештатных переводчиков. Ни о какой плодотворной работе российских консульств без них не могло быть и речи. Такое большое значение переводчиков объясняется сразу комплексом причин. Прежде всего, тем, что официальными в Китае являлись маньчжурский и китайский языки. Изучение последнего серьезно затруднялось особенностями его письменности и произношения. Кроме того, регион характеризовался большой этнической пестротой, на территории провинции проживали уйгуры, узбеки, казахи, русские, монголы, китайцы, калмыки, киргизы, сибиряки, татары, олуты, таджики и другие народности. При том, что к 1916 году население Синьцзяна насчитывало около 2 млн. 278 тыс. человек¹. На фоне небольшого, по меркам Восточного Китая, количества населения проживающего в провинции очень велико было этническое и лингвистическое разнообразие. Кроме того, положение характеризовалось тем, что языки эти принадлежали к различным неродственным между собой языковым группам. Ещё одним фактором выступало то, что в подавляющем большинстве российскоподданные проживающие в консульских округах Синьцзяна не являлись этническими русскими и соответственно плохо или совсем не говорили на русском языке.

В этой связи проблема языковой коммуникации вставала перед консульствами не только в ходе официальных сношений с китайскими властями, но и в ходе общения со своими же соотечественниками. В этих условиях, как российские консульства так и российские власти приграничных областей нуждались в переводчиках различных восточных и тюркских языков².

Деятельность переводчиков российских консульств, законодательно регламентировалась слабо. Основной законодательный документ в деятельности консульств - Консульский устав только в общих чертах определял их, да и то лишь дисциплинарную сторону. Так статья 127 гласила, что переводчики "обязаны, под опасением исключения из службы, исполнять в точности все по службе приказания министра, или заступающего его место, и консула, смотря по тому, при ком из них состоять. Им запрещается иметь хождение и ходатайствовать по делам службы или по делам частных людей у тамошнего местного начальства, без особого на то приказания начальств, от которых они зависят. Поведение их должно вообще быть ограждено, от всякого предосуждения".

Статьей 128 предусматривалось, что переводчики обязаны были строжайше соблюдать правильность в своих переводах. Именно за это они несли "неизбежную и строгую ответственность". Переводчики обязаны были представлять в канцелярию консульства копии всех переведённых ими по службе или на основании приказаний, документов для того, чтобы необходимые документы были найдены в случай необходимости.

На основании сто двадцать девятой статьи консульским переводчикам запрещалось заниматься любой, какой бы то ни было коммерческой деятельностью "прямым или посторонним образом, на свое или чужое имя"³.

С другой стороны характерной чертой политической ситуации как Синьцзяна так и Китая в целом являлось то, что сами представители китайской администрации не знали языков местных народов. По этому поводу английский исследователь Ч.Холкомб отмечал, что "высокопоставленные должностные лица и в Пекине и в других местах Империи плохо были знакомы с любым другим языком, кроме китайского. При этом китайское Министерство иностранных дел не было обеспечено штатом компетентных перевод-

чиков. Однако, соглашениями предусматривалось, чтобы контакты осуществлялись на китайском языке. Поэтому дипломатические миссии должны были иметь в своих штатах собственных переводчиков. Никакая связь не возможна была с любым дипломатическим учреждением, кроме как через третье лицо. Переводчики не всегда были компетентны, или даже умеренно приспособлены к их важным обязанностям. Из-за этого возникали замешательства, затруднения и серьезные недоразумения. Иностранцы стремились получить преимущества из этих специфических условий. Таким образом, ещё более усложняли трудную ситуацию"⁴.

Языковые проблемы в ходе ведения дел с китайцами существовали не только у российских и английских дипломатов. Такое положение затрагивало интересы и других западных держав, в том числе и США, которые так же испытывали определённые затруднения в ходе международных контактов с Пекином. Для решения подобных вопросов американский дипломат Т.Р.Джерниган в начале XX века предлагал иметь "в дипломатическом представительстве Соединенных Штатов в Пекине несколько молодых людей, чья обязанностью должно было быть изучение китайского языка и коммерческой системы Китая, а так же приобретение навыков, подтвержденных экзаменами. Введение такой практики, по его мнению, принесло бы хороший результат уже через несколько лет, чтобы оправдать необходимые расходы"⁵.

Однако российская дипломатия уже давно, по сравнению с американцами, установившая отношения с Китаем, прилагала значительные усилия к тому, чтобы российские дипломаты в Поднебесной знали китайский язык. На дипломатическую службу принимались люди уже владевшие китайским языком, что серьёзным образом помогало в повседневной деятельности российских консульств в Синьцзяне. Так Н.В. Богоявленский, работавший в разные годы секретарем и консулом в Кульдже и Урумчи писал: "Мое знание китайского языка оказывало мне при этом громадную услугу. Китайцы считают, и по справедливости, свой язык очень трудным для европейца, и высоко ставят знание его иностранцами, а особенно знание китайской письменности, которая с таким трудом дается и самим китайцам. Поэтому, когда я обращался к китайцам на их родном языке, а еще более, если случайно, между прочим, прочитывал тут какую-нибудь китайскую надпись, вывеску или что-нибудь другое, то это всегда вызывало у китайцев приятное изумление, а затем сразу же располагало их ко мне"⁶.

Имелось и другой путь решения вопросов, связанных с языковыми проблемами в Китае и Синьцзяне. Российский МИД, особенно после заключения Петербургского договора 1881 года, посылал в приграничные районы Китая в качестве дипломатов не только и не столько знающих

китайский язык, сколько умеющих общаться на языках местных народов - тюркских и монгольских наречиях. И это для реальностей существующих тогда на окраинах Цинской империи являлось объективной необходимостью. Английский исследователь и путешественник Ф. Янгхазбенд писал о сотруднике российского консульства в Кашгаре Н.Ф. Петровском: "Я увидел что ни он, ни кто-либо из его штата не говорили по-китайски, хотя они жили много лет в Китайском Туркестане..."⁷. Однако в своём кругу англичане уважительно называли Н.Ф.Петровского «кашгарским падишахом». Выйдя в отставку по болезни последние годы своей жизни Николай Фёдорович провёл в Ташкенте, где и скончался в 1908году⁸.

Значительное место вопрос о переводчиках в Синьцзяне и русском приграничье приобрёл сразу после заключения Петербургского договора. В начале 80-х годов XIX века, было проведено российско-китайское разграничение. Именно в этот период перед властями обоих государств очень остро встали вопросы переводов с различных языков. В ходе разграничения с обеих сторон работало большое количество военных, администраторов, охранников и конечно же переводчиков.

В деле становления переводческой службы в российских консульствах в Синьцзяне имелись и свои сложности. Первоначально в соответствии с международными договорами все контакты приграничной российской и китайской администрации должны были осуществляться исключительно через российские консульства. И на начальном этапе российские консульства это условие всячески поддерживали. Ещё в период становления консульств деловые бумаги из китайских административных учреждений российское приграничное начальство отправляло в консульства, будучи не в состоянии правильно их перевести. Так, когда поступило отношение Илийского цзяньцзюня о Баянху и его сподвижниках к Г.А. Колпаковскому, тот переслал бумагу для перевода в г.Чугучак к Шишмареву. В свою очередь из Чугучакского консульства бумага была отправлена к консулу Падерину в Кульджу. Отправляя перевод к Г.А. Колпаковскому Кульджинский консул реализуя указания МИД консул писал: "В виду того, что при консульствах имеется возможность переводить переписку с китайскими властями далеко точнее, чем в других местах; не признаете ли Ваше Превосходительство желательным, чтобы переписка Ваша с Илийским Цзянцзюнем переводилась в здешнем консульстве"⁹.

В дальнейшем это, казалось бы, необходимое условие в практике международных отношений стало серьёзным образом затруднять связи России и Китая в Центральной Азии. Буквально несколько лет спустя после заключения Петербургского договора объёмы контактов России и Китая в Синьцзяне так сильно и быстро увеличились, что переводчики в консульствах уже с трудом

справлялись со своей работой. Они оказались буквально завалены работой.

Подобное положение сложилось так же из-за того, что российские приграничные власти, учитывая желание консульств контролировать все контакты с Китаем престаали обращать должное внимание на развитие переводческого дела в приграничье. И дело здесь порой доходило до конфузов. Свидетельством тому может являться письмо Семиреченского губернатора Г.И. Иванова в 1894 году: "Вследствие неимения на наших передовых пограничных постах переводчиков, знающих китайский язык, нашим постовым начальникам и казакам при сношениях с китайским почтовыми людьми приходится прибегать к помощи их переводчиков и верить тому, что они переводят, отчего происходили часто разного рода недоразумения"¹⁰.

Вопросы, связанные с развитием переводческого дела на границе, стали настолько злободневными, а обращения российских консульств, с просьбой разгрузить их от несвойственной им работы столь настойчивы, что в дело вынужден был вмешаться МИД России и потребовать ввести должности переводчиков в пограничной страже.

В 1896 году военный губернатор Семиреченской области по просьбе МИДа затребовал мнения по этому вопросу Начальника передовых постов Джаркенского участка и Джаркентского уездного начальника.

Начальник передовых пограничных постов, подтверждая раннее высказанное им мнение о необходимости иметь на постах переводчиков китайского языка, заявлял, что он не знает никого, кто бы мог и желал занять эти должности, как не имеет средств на их наем и что средства эти должны быть изысканы гражданским ведомством.

Начальник же Джаркентского уезда полагал, что необходимо иметь переводчиков, не просто умеющих кое-как объясняться по-китайски, уйгурски или мусульмански, а людей, владеющих письменным русским и китайским или маньчжурским. Он так же сообщал, что и желающих быть переводчиками в уезде найдется не более 2 человек и, что они согласятся служить за 180 руб. годовых при условии снабжения их лошадьми для разъездов. Начальник уезда так же считал, что, так как в учреждении переводчиков наиболее заинтересованы пограничные посты, то и расходы на переводчиков должны быть отнесены на счет 2х Сибирских казачьих полков.

Губернатор Семиреченской области с мнением начальника уезда соглашался как относительно источников финансирования, так и относительно уровня переводчиков, но из-за отсутствия грамотных переводчиков и средств для оплаты их работы предлагал пока вопрос оставить открытым¹¹. Спустя год 19 ноября 1897 г. Семиреченский губернатор А.Я. Фриде писал в Омск, что начальник передовых пограничных постов Джаркентского участка просит о назначении трех

переводчиков на посты Хоргоский, Кальджатский и Нижнесюмбинский, которые необходимы для удобного разбора дел по передовым пограничным постам. При этом губернатор отмечал, что назначение знающих переводчиков с платой каждому минимум по 600 рублей, вызвало бы значительный расход¹².

Только после этого обращения был составлен проект штата переводчиков для таможенных застав в Харгосе, Вахты и Теректы. Предусматривалось по одному человеку на каждый участок с годовым окладом по 300 рублей¹³. Думается, что такие должности были введены и на других заставах, в частности, в Ферганской и Семипалатинской областях¹⁴. Кроме годового оклада они получали по 300 р. столовых и 200 рублей разъездных.

Переводчики российских консульств в Синьцзяне помимо своей основной работы были загружены и другими обязанностями. Так консул из Кульджи в 1908 году писал: "Хотя при консульстве состоит нештатный переводчик тюркского и маньчжурского языков, однако, он в присутственные часы занят выдачей билетов русскоподанным, отправляющихся для торговли в Россию или вглубь Китая...Считаю долгом указать на желательность для пользы дела назначения в Кульджу лиц, окончивших факультет восточных языков Императорского Петербургского университета или Лазаревский институт восточных языков в Москве"¹⁵. Это свидетельствует о крайней заинтересованности консульств в Синьцзяне в грамотных переводчиках.

Военное министерство так же было заинтересовано в грамотных переводчиках. В условиях обострения российско-китайских отношений 1911-1913 годов в Синьцзяне военное ведомство считало важным, в случае осложнений на Востоке, обеспечить войска необходимым количеством надежных переводчиков китайского языка.

При этом было необходимо иметь в виду, что войсковые переводчики китайского языка должны были, как считали военные, назначаться из числа русских, владеющих разговорным китайским языком, так как опыт войны с Японией показал слабость переводчиков из числа китайцев, из-за их недостаточной надежности и недобросовестности¹⁶. Мало пригодными оказались и переводчики из числа студентов-востоковедов, из-за недостаточного практического знания ими китайского языка.

В этой связи военному губернатору Семиреченской области пришлось указать выяснить число лиц владеющих китайским языком и которые в случае необходимости могли бы в военное время служить¹⁷. Оказалось, что по сведениям, собранными полицией в «гор. Верном и станции Алма-тинской проживают только два лица, в достаточной мере владеющих китайским языком: 1) отставной чиновник Григорий Асанов и 2) отставной чиновник Николай Денисов; первый проживает

дома во 2-й части и ни чем не занимается, а второй служит в Средне-Азиатском банке». В Копале был только один человек ПИ. Шабалин, казак выехавший со сводным казачьим полком на службу в Петербург¹⁸.

В Джаркентской волости китайским языком владели дунгане торговец Мужамед Масыев и учитель Яхья Солосыев, в Вахты владели манчжурским и китайским языками Василий Чередонов, Иван Чередонов, Кузьма Чередонов. Все они были крестьянами. А торговцы Хады Яушев и Ибрагим Чанышев владели разговорным китайским языком¹⁹.

И позже в консульствах и вдоль границы не хватало переводчиков. Особенно остро это встало в связи с деятельностью таможенных и пропускных пунктов в Атбати, Зайсане, Хоргосе, Вахты, Капшагае, Иркештам, Катон-Карагае Кош-Агаш, перевалах Бадель, Туругарт, Суйок²⁰

Вторая статья "Правил для сухопутной торговли России с Китаем" гласила, что "русско-поданные и должны быть снабжены билетами от русского начальства, на русском и китайском языках с монгольским или татарским переводом"²¹. Однако не все российско-поданные снабжались соответствующим образом оформленными билетами. Военный губернатор Семипалатинской области А.Я. Фриде в 1884 году поднимал этот вопрос: "Для устранения беспорядка по выдаче билетов на языках, указанных в трактате, и нареканий со стороны цзянь-цзюня, вынужденным нахожусь возобновить ходатайство мое Вашему Высокопревосходительству от 4 ноября 1882 года о необходимости учредить должности переводчиков манчжурского и китайского языков, которых возможно было бы распределить по наиболее многолюдным пропускным пунктам в Китай"²².

Спустя несколько лет дело не сильно продвинулось вперед, а китайские власти по-прежнему настаивали на выполнении условия договоров. Не остались в стороне от решения этой проблемы и российские консулы.

Кульджинский консул писал Степному генерал-губернатору: "По мнению Консульства удобнее всего было бы удовлетворить этой надобности имея постоянного переводчика при Хоргоском пропускном пункте. Эту обязанность можно бы возложить на одного из учеников Консульской школы или выкомандировывать учеников школы туда по очереди, чтобы не прерывать совершений дальнейших занятий в школе одного из них"²³.

Время шло, а дело тормозилось. В 1887 году по поводу жалобы начальника Хоргоской таможни и Джаркентского участкового управления Семиреченский губернатор писал в вышеуказанную инстанцию: "Сверх всего этого, я нахожу крайне необходимым иметь в приграничные отдельного переводчика, знающего по возможности языки манчжурский и китайский, который был бы

весьма полезен для отнесения постовыми своих обязанностей при сношениях с китайскими, но не могу мечтать о возможности держать его постоянно на посту, так как токовой же переводчик и настолько же необходим при джаркентском участковом управлении. Усиливающаяся потребность в подробном переводчике вновь заставляет меня повторить прежнее ходатайство по этому предмету, изложенное в представлении моего предместника». Тут же была приписка: «Нередко китайские посты выдавали росписки, благодаря незнанием нашими постовыми чинами манчжурской граматике, заключающие или молитвы, или простое отрицания факта, или азбуку ит. под.»²⁴.

На этот раз Степной губернатор генерал-губернатор сообщал в Верный о "необходимости учреждения в приграничных местностях должностей переводчиков мною вместе с сим возбуждено ходатайство пред г.Министром Внутренних Дел"²⁵. Это начинание в последствии было реализовано.

- Подводя итоги необходимо отметить, что переводческое дело, как в российских

- консульствах, так и вдоль границы с Китаем было поставлено на системную основу. Штат консульских переводчиков пополнялся за счёт переводчиков приграничья и наоборот, что в положительном смысле влияло на весь спектр российско-китайских отношений в Центральной Азии. Переводчики, работающие в российских консульствах в Синьцзяне и сопредельных с Синьцзяном российских областях сумели внести значительный вклад не только в развитие российско-китайских связей, но и в различные области научного знания.

Литература:

1. Богословский В.А., Москалев А.А. Национальный вопрос в Китае (1911-1949 гг.). М., 1984. - С. 32-33.
2. Очерк истории Министерства иностранных дел. Т.1. 1816-1917. М.: Олма-Пресс, 2002. - С. 500. Хафизова К.Ш. Китайская дипломатия в Центральной Азии (XIV-XIX вв.). Алматы, 1995. - С. 254-266; Галиев В.З. Участие казахов проводников и переводчиков в научных экспедициях. // Вопросы истории. Алма-Ата, 1976. Вып. 10. - С. 143-156.
3. Руководство для консулов. Сост. СМ. Горяинов. СПб., 1903. С. 53-54.
4. Holcomb Ch. The Real Chinese Question. L., 1901. - P. 209.
5. Jernigan T.R. China's business methods and polisy. L., 1904. - P. 244.
6. Богоявленский Н.В. Западный Застенный Китай. Его прошлое, настоящее состояние и положение в нем русских подданных. СПб., 1906. С. 354-355.
7. Younghusband F.F. The heart of Continent: A narrative of travels in Manchuria, Across the Gobi Desert, through the Himalayas, the Pamirs, and Hunza 1884-1894. L., 1894. P.313-314.
8. Разведывательная программа русского консула в Кашгаре Н.Ф.Петровского, 1887г. // Арапов Д.Ю. Имперская Россия и мусульманский мир (конец XVIII - начало XXв.) Сб. материалов. М., 2006. С Л 09-1 И.

9. Центральный государственный архив Республики Казахстан (Далее - ЦГА РК). Ф. 64. Оп. 1. Д. 4906. Л. 24.
10. ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 5128. Л. 1 и об.
11. ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 5128. Л. 6 и об.-7.
12. ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 5128. Л. 8 и об.
13. ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 4958. Л. 13.
14. ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 4958. Л. 13.
15. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф, 143. Оп. 491. Д. 446. Л. 255-256.
16. Звонарев К.К. Агентурная разведка. Русская агентурная разведка всех видов до и во время войны 1914-1918гг. Германская агентурная разведка до и во время войны 1914-1918гг. Киев, 2005. С. 86.
17. ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1 Д. 4318. Л. 1.
18. ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 4318. Л. 2-3.
19. ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 4318. Л. 11,17.
20. Галиев В.В. Казахстан в системе российско-китайских торгово-экономических отношений в Синьцзяне. Конец XIX-начало XX века. Алматы, 2003. - С. 42-56.
21. Правила для сухопутной торговли России с Китаем. // Русско-китайские договорно-правовые акты. 1689-1917. Сборник документов. М, 2004. - С. 456.
22. ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 4958. Л. 1-2.
23. ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 5008. Л. 10.
24. ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 4958. Л. 8-9.
25. ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 4958. Л. 10.

Рецензент: д.и.н., профессор Каратаев О.К.